Смирнова С.
Освободительное
движение

Екатеринослав.

ИМЛ — Библиотека
ГН 221
С 617

ГЖ 221
С 617

Смирнова, С.

Освободительное Движеніе

ПЕЧАТАЕТСЯ
„Екатеринославской Народной Партіей 17 Октября“

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2006

Г Ж С221
С617 Р

325310
09-87
39

„Освободительное движеніе".

Къ началу декабря освободительное движеніе достигло у насъ полнаго разцвѣта. Россію освободили во-первыхъ отъ ея богатствъ, отъ того небольшого запаса народныхъ сбереженій, который еще сохранился у нея послѣ разорительной войны. Ее освободили отъ нѣсколькихъ сотъ помѣщичьихъ усадебъ, обращенныхъ въ золу и пепелъ, отъ множества фабрикъ и заводовъ, разоренныхъ забастовками или закрывшихся по недостатку сырого матеріала и угля, который забастовавшія дороги перестали подвозить. Въ недалекомъ будущемъ ей грозитъ еще массовое закрытіе заводовъ, не выдержавшихъ удара, нанесеннаго имъ стачками. Ее освободили отъ черноморскихъ и балтійскихъ портовъ, гдѣ хозяйничали соціалисты и стачечные комитеты, притомъ такъ мудро, что остановили пароходное сообщеніе. Впрочемъ это входило въ ихъ програму, они такъ и объявили въ своихъ манифестахъ: «Присоединяйтесь къ намъ, остановимъ производство, остановимъ торговую жизнь, остановимъ сообщеніе по всей странѣ». Они освободили университеты отъ студентовъ, гимназіи отъ гимназистовъ, фабрики отъ рабо-

чихъ. Однимъ словомъ къ декабрю вся Россія была свободна. Рабочіе пѣли марсельезу, дѣти не ходили въ школу, почтальоны не носили писемъ, машинисты не возили поѣздовъ—и всѣ ходили на митинги.

Печать объявила, что это именно и есть освободительное движеніе. Статьи писались, какъ докторскіе рецепты, всѣ по одному образцу, и начинались обыкновенно такъ: «Могучая волна освободительнаго движенія вздымается все выше и выше»... или: «Волны народнаго негодованія высоко поднялись; грозный въ своемъ величіи, неумолимый въ гнѣвѣ народъ проснулся».

Поднимаясь все выше и выше, эти волны докатились наконецъ до манифеста о томъ, что надо свергнуть правительство. Публика ждала, что будетъ дальше. Новое правительство было уже составлено, заключая въ себѣ всю лучшую часть общества до еврейскаго бунда включительно. Но старое правительство вдругъ арестовало новое.

Въ Петербургѣ волны освободительнаго движенія послѣ этого выше уже не подымались, но остальная Россія, отрѣзанная отъ него забастовками, продолжала по инерціи двигаться по тому же направленію.

Когда въ Петербургѣ арестовали Хрусталева-Носаря, это такъ всѣхъ ошеломило, точно произошло что-то неслыханное. Впечатлѣніе было такое, точно кроликъ кинулся вдругъ на королевскаго тигра. Такъ по крайней мѣ-

рѣ посмотрѣла на это наша передовая печать. Она была поражена дерзостью правительства. Посадить въ крѣпость президента стачекъ и забастовокъ! Перваго, верховнаго разрушителя Россіи, ея промышленности, торговли и финансовъ, главу верховнаго совѣта, наканунѣ задуманнаго имъ, но не доведеннаго до конца переворота! Допустить его гласно и открыто, на глазахъ у всѣхъ министровъ, восьми гвардейскихъ полковъ и современной артиллеріи, сдѣлать къ этому всѣ приготовленія, собрать и сплотить свою армію—и вдруъ въ послѣднюю минуту, когда онъ уже обѣщалъ свергнуть правительство, отвезти его подъ конвоемъ въ тюрьму! Такого вѣроломства революція отъ графа Витте не ждала. Она прямо сочла его измѣнникомъ. До тѣхъ поръ она была увѣрена, что онъ мѣшать ей не будетъ. Когда она призывала къ вооруженному возстанію, онъ обѣщалъ бороться съ ней только нравственными мѣрами. Но признать арестъ своего главаря нравственной мѣрой революція никакъ не могла. Это было нарушеніемъ того молчаливаго договора, который былъ заключенъ между нею и премьеромъ,—договора, по которому законы не отмѣнялись, но и не исполнялись на томъ основаніи, что прежніе законы, какъ изданные до конституціи, были уже не годны, а новыхъ до Государственной Думы издавать нельзя.

Что изъ этого вышло, мы теперь знаемъ. Исполнительная власть осталась, но такъ какъ

исполнять ей было нечего, никакихъ законовъ въ Россійской Имперіи не оказалось, то она растерявшись стала, какъ испорченный механизмъ, вертѣть колесами по воздуху. Внутренность механизма была вынута, а колеса все вертѣлись. Губернаторы въ провинціи и министры въ Петербургѣ всѣ дѣйствовали вразбродъ, ощупью, точно впотьмахъ спускались по лѣстницѣ. Въ одной губерніи объявляли усиленную охрану, въ другой просили бунтовщиковъ взять охрану города на себя и выдавали имъ казенныя винтовки. Не догадались только сдѣлать одного: вмѣстѣ съ манифестомъ о пяти свободахъ точно обозначить границы, переходя которыя, свобода однихъ лицъ обращается въ насиліе надъ другими. Но этихъ границъ проведено не было. И Россія сразу въ одну ночь перешла отъ самодержавія къ анархіи.

Свободные граждане объявили, что они могутъ портить желѣзнодорожные пути, сбрасывать подъ мостъ поѣзда, рвать телеграфную проволоку; что они вправѣ захватывать чужіе пароходы, насильственно закрывать лавки и заводы, грабить казначейства, желѣзнодорожныя кассы, выручку въ казенныхъ винныхъ лавкахъ. Все это пятью свободами разрѣшалось и называлось освободительнымъ движеніемъ.

Въ эти дни повальнаго опьянѣнія свободой самое трезвое слово сказалъ прокуроръ въ Кіевѣ. Когда къ нему съ митинга явилась

депутація съ какимъ-то противозаконнымъ требованіемъ, одинъ адвокатъ отъ ея имени заявилъ:

— Мы пришли вамъ заявить, что теперь Россія конституціонное государство. Что вчера было преступленіемъ—то сегодня стало долгомъ гражданина, а что вчера было долгомъ гражданина—то сегодня стало преступленіемъ.

Прокуроръ на это спокойно отвѣтилъ:

— Но вы забыли, г. гражданинъ, юристъ и присяжный повѣренный, что то, что вчера было уложеніемъ о наказаніяхъ, и сегодня осталось уложеніемъ о наказаніяхъ.

Къ сожалѣнію прокуроръ ошибся. Не одни присяжные повѣренные, но «вся мыслящая Россія» рѣшила, что послѣ 17 октября уложеніе о наказаніяхъ отмѣняется вплоть до созыва учредительнаго собранія. Невѣжественная толпа только это изъ манифеста вынесла, а мыслящая Россія ее въ этомъ поддержала. Получивъ конституцію, она назвала ее куцой, но всѣ свободы изъ нея взяла и объявила, что она свободна дѣлать, что хочетъ.

Какъ настоящіе рабы, освободившіеся отъ одного господина, мы уже искали другого, чтобы онъ надѣлъ на насъ ярмо. Взбунтовавшись противъ самодержавія, мы попали въ рабство къ освободительному движенію. Все, что подъ этимъ именемъ преподносилось намъ, мы принимали безропотно и покорно. Мы сидѣли впотьмахъ, потому что освободительное движеніе приказало потушить фонари на

улицахъ. Мы запасались водой, потому что оно могло запереть водопроводъ. Мы оставались безъ газетъ, безъ писемъ, безъ телеграммъ, потому что былъ арестованъ какой-то делегатъ у почтовыхъ чиновниковъ, и освободительное движеніе требовало, чтобы его выпустили. Если какой-нибудь группѣ служащихъ не удавалось провести забастовку или смѣнить министра, вся Россія должна была за это расплачиваться общимъ параличомъ страны. Интересамъ отдѣльныхъ группъ и профессій приносилось въ жертву цѣлое государство.

Не признавая правительства, объявляя его лишеннымъ правъ, такъ какъ всѣ его полномочія должны перейти къ народнымъ представителямъ, все-таки спѣшили вырвать себѣ у него прибавку жалованья раньше, чѣмъ соберутся народные представители. Чтобы добиться прибавки въ нѣсколько милліоновъ, вынимали сотни милліоновъ изъ народнаго кармана. Это все равно, что срубить кедръ, чтобы достать себѣ кедровую шишку. Но такъ приказало освободительное движеніе—и его рабы не смѣли не только ослушаться, но даже критиковать его. За малѣйшее сомнѣніе въ мудрости освободителей можно было прослыть отсталымъ, а страшнѣе этой клички для вчерашнихъ рабовъ ничего не могло быть.

Мы по цѣлымъ недѣлямъ лишены были права передвиженія, заключенные въ черту осѣдлости волею стачечныхъ комитетовъ. Мы были прикованы къ мѣсту жительства или къ

случайному мѣсту, гдѣ захватилъ насъ приказъ о забастовкѣ. Захвативъ въ свои руки пути сообщенія и закрывъ ихъ для публики, наши освободители держали въ осадѣ всю Россію. Они обратили ее въ смирительный домъ, въ которомъ за каждую провинность правительства наказывали весь народъ. За то, что Польша была недовольна своимъ генералъ-губернаторомъ, тульскаго мужика, ѣхавшаго на заработки, высаживали среди пути, голодающимъ уѣздамъ не везли хлѣба.

А мы восхищались стройностью и красотой забастовки.

Одинъ извѣстный піанистъ написалъ ей цѣлый гимнъ въ газетахъ. «Это былъ такой шедевръ по исполненію,—говоритъ онъ, что не только мы всѣ, но весь міръ замеръ отъ восхищенія». Но пока мы замирали отъ восхищенія, Россія разорялась, ея хлѣбъ гнилъ на станціяхъ, она теряла заграничныя рынки. Европа отказывала ей въ кредитѣ. Стройныя забастовки выкачивали золото изъ государственнаго казначейства вѣрнѣе, чѣмъ расхищеніе сберегательныхъ кассъ, и даже вѣрнѣе, чѣмъ новыя правила въ студенческихъ столовыхъ, чтобы за 20-копеечные обѣды платили не иначе, какъ звонкой монетой. Отливъ 20-копеечныхъ золотыхъ не такъ былъ страшенъ для Россіи, какъ ея стройныя забастовки.

Подъ гипнозомъ этихъ двухъ словъ „освободительное движеніе“ проходили самыя насильственныя мѣры. Отъ чего собственно хо-

тятъ насъ освободить? Конечно отъ произвола и насилія. Посмотримъ однако, что взамѣнъ этого предлагаютъ намъ освободители. Во главѣ ихъ програмы стоятъ все тѣ же 5 свободъ. Начнемъ хоть съ первой—свободы слова. Въ ноябрѣ, въ самый разгаръ освободительнаго движенія, оно наградило насъ цензурой—только изъ главнаго управленія по дѣламъ печати она перешла въ совѣтъ рабочихъ депутатовъ. Старую цензуру выгнали и потребовали, что бы отмѣнили ее въ театрахъ. Говорили, что пора выгнать и этого шпіона. Но шпіонъ не ушелъ: онъ только сталъ служить другому хозяину.

Цензорами стали наборщики. Они возвращали рукопись, отказываясь ее набирать, если находили ее вредной. Тогда напечатать ее можно было только тайкомъ, въ какой-нибудь маленькой типографіи, въ глухомъ кварталѣ, подальше отъ делегатовъ и прогресивныхъ платформъ. Надо было прятаться, какъ прятались бывало свободные художники въ Гуслицахъ, когда печатали тамъ фальшивыя бумажки. Но положимъ даже, что нашлась такая типографія, которая согласилась набрать брошюру. Вдругъ ее увидали сознательные рабочіе, нашли, что она черносотенная, и послали въ совѣтъ рабочихъ депутатовъ спросить, что съ ней дѣлать. Совѣтъ отвѣчалъ: «Потребовать отъ хозяина немедленнаго уничтоженія ея». И брошюру рвали или жгли въ печкѣ. Это свобода первая—свобода слова.

О свободѣ совѣсти за шумомъ революціи почти забыли. Наши революціонеры въ церковь не ходятъ и изъ всѣхъ церковныхъ службъ знаютъ только одну: панихиды по невинно убіеннымъ. Изъ этой службы они дѣлаютъ политическую демонстрацію, нѣчто въ родѣ марсельезы, и носятъ покойниковъ по улицамъ, какъ красные флаги. Люди, забывшіе, какъ отворяются двери въ храмъ, вдругъ чувствуютъ непреодолимую потребность собраться вмѣстѣ и помолиться объ усопшемъ, котораго вчера еще никто не зналъ, а завтра всѣ забудутъ.

О свободѣ совѣсти напомнила намъ Польша, когда стала гнать русскихъ хлоповъ, служившихъ батраками у польскихъ помѣщиковъ и не пожелавшихъ промѣнять своихъ «москевскихъ поповъ» на ксендза. Послѣ указа о вѣротерпимости отъ православныхъ потребовали, чтобы они переходили въ католичество или убирались на всѣ четыре стороны. Русскій могъ остаться на службѣ у поляка только подъ однимъ условіемъ—дать клятву въ костелѣ передъ евангеліемъ «никогда не переступать порога православной церкви, не говорить по-русски, не имѣть никакихъ общеній съ схизматиками». Тысячи русскихъ батраковъ остались безъ куска хлѣба. Цѣлыя деревни терпятъ гоненіе за свою хлопскую вѣру. Поляки разгоняютъ наши крестные ходы, выбрасываютъ на дорогу надгробные памятники и кресты съ нашихъ кладбищъ; врываются толпой въ церковь и срываютъ не митинги,

а православную обѣдню своими издѣвательствами, шумомъ, смѣхомъ, плевками.

Это тоже освободительное движеніе, потому что вся прогресивная Россія признала, что Польша идетъ во главѣ его, что она борется не только за свою, но и за нашу свободу. Она такъ за нее борется, что изъ Холмской Руси 10 уѣздовъ шлютъ отчаянную мольбу; спасите и помогите! За громы аплодисментовъ, которыми встрѣчала Москва на земскомъ съѣздѣ польскихъ пановъ, платятъ теперь пинками и плевками нашимъ въ Польшѣ.—Это свобода номеръ второй.

Теперь о свободѣ собраній, какъ ее понимаютъ наши освободители. Соціалъ-демократы объявили, что будутъ срывать собранія гапоновцевъ. Въ Саратовѣ прогесивная часть публики разогнала земское собраніе и сама заняла его мѣсто. То же самое было въ Череповецкомъ уѣздѣ. Во главѣ съ двумя бывшими учителями публика кричала «долой земство!», объявила, что земство и правительство не существуетъ, что она замѣнитъ ихъ отъ лица всего народа. Послѣ этого не менѣе прогресивная петербургская печать негодовала, что растлѣнное череповецкое земство сдѣлало доносъ Витте. А между тѣмъ тамъ рѣшительно ничего особеннаго не было. Просто наблюдалось только повышенное настроеніе. Толпа разогнала земское собраніе. Но она имѣла право гнать это земство, какъ несоотвѣтствующее своему назначенію. А земство проситъ

вдругъ убрать и предать суду самозванцевъ. «Очевидно оно жаждетъ порціи нагаекъ».

Но если всѣ собранія будутъ проходить при повышенномъ настроеніи, и толпа, врываясь съ улицы, будетъ рѣшать, соотвѣтствуютъ ли они своему назначенію, то куда насъ приведетъ эта свобода — номеръ третій. Если уволенные земскіе учителя, приказчики и забастовавшіе гимназисты придутъ въ Государственную Думу, найдутъ, что она не соотвѣтствуетъ своему назначенію и станутъ разгонять ее, чтобы лучшая прогресивная часть общества могла замѣнить ее отъ лица всего народа, то стоитъ ли вообще собирать Думу и не лучше ли теперь же пригласить лучшую часть общества занять мѣста народныхъ представителей? Это избавитъ насъ отъ сложныхъ безконечно откладывающихся выборовъ и дастъ намъ возможность сейчасъ же созвать учредительное собраніе. Если свобода собраній понимается у насъ именно такъ, то все равно мы этимъ кончимъ. Улица будетъ разгонять всякія собранія. Это ея право, она ужс теперь утверждаетъ, что оно дано ей манифестомъ.

До свободы союзамъ такъ же мало дѣла, какъ покойному Аракчееву. Имъ нужна диктатура съ смертными приговорами и жестокими законами, которые они введутъ, какъ только захватятъ власть. Тамъ, гдѣ это имъ удалось, хотя бы на время, они намъ показали, чего мы можемъ ждать отъ нихъ. За примѣрами ходить недалеко, возьмемъ хотя бы

Ригу или Либаву. Тамъ хватали среди бѣлаго дня людей, увозили за городъ и разстрѣливали. Какой-то виртуозъ революціи, убивши врага произнесъ даже рѣчь, стоя на его трупѣ. Онъ сказалъ, что это месть партіи за выдачу ея дѣятелей. Ихъ стройныя забастовки проходили съ насиліями. Извозчики не смѣли показаться на улицѣ, чтобъ имъ не всадили кинжала въ бокъ. Что они лишаются заработка—какое дѣло до этого насильникамъ? Они будутъ потомъ съ умиленіемъ говорить, что пролетаріатъ вынесъ на своихъ плечахъ освободительную борьбу. Нѣсколько мѣсяцевъ ихъ хозяйничанья обошлись Россіи дороже, чѣмъ полтора года войны.

Разрушая все, что можно разрушить, они поддерживаютъ дисциплину только въ своихъ организаціяхъ. Тутъ неповиновеніе главарямъ не допускается. И насъ они зовутъ не къ свободѣ, а къ диктатурѣ пролетаріата. Они предлагаютъ намъ только перемѣнить хозяина. И вчерашніе рабы самодержавія, мы бьемъ поклоны новому хозяину, стараясь заслужить его благоволеніе. Мы дали пинка старымъ насильникамъ, чтобы новые скрутили насъ еще крѣпче. Мы 300 лѣтъ припадали къ стопамъ монарха и съ такимъ же подобострастіемъ поемъ теперь гимны революціи. Все, что она ни сдѣлаетъ, изумительно и прекрасно. Она пронеслась по странѣ, какъ ураганъ, пустила по вѣтру ея богатства, довела ее до паралича, остановила ея жизнь, а мы ей молимся—ей,

великой и божественной, истребляющей нашихъ братьевъ и наше достояніе.

Мы дошли до прославленія мятежа, до восхищенія передъ московскимъ побоищемъ. «Пусть безумство, но въ немъ такая сила и такой героизмъ! Пусть пораженіе, но въ немъ такое величіе!» говоритъ г. Струве о бойнѣ въ Москвѣ. Конечно, если бъ это была опера или романъ, можно бы восхищаться. Но вѣдь тутъ послали на убой обманутыхъ рабочихъ, вѣдь на барикадахъ дрались русскіе рабочіе и студенты съ русскими солдатами. И весь ужасъ этого не мѣшаетъ г. Струве любоваться на такую мощь освободительнаго порыва. Онъ говоритъ, что предаваться унынію и отчаянію нѣтъ ни основанія, ни права. «Врагъ побѣдилъ, но онъ отравленъ своей побѣдой. Со всѣми своими пулеметами и пушками онъ остается нравственнымъ и политическимъ банкротомъ».

А между тѣмъ на московскихъ барикадахъ и сказалось именно нравственное банкротство революціи. Вся ея мощь и величіе состояли въ томъ, что обезумѣвшіе люди пошли подъ разстрѣлъ, потому что вожаки ихъ увѣрили, что армія перейдетъ на ихъ сторону, что изъ Лифляндіи придетъ имъ на помощь латышская артиллерія, что въ Петербургѣ правительства нѣтъ, оно уже свергнуто. Пугачевъ такъ же поднялъ Поволжье, съ такой же мощью и величіемъ, обѣщая ему свои царскія войска и казну. И такъ же вѣрила ему бездомная го-

лытьба, а его сподвижники, отвѣшивая ему поклоны при другихъ, наединѣ третировали его и говорили ему, когда онъ посылалъ ихъ въ опасныя мѣста: «Суньсяка самъ!» Вожаки московской революціи тоже въ опасныя мѣста не сунулись, а благополучно улизнули, предоставивъ рабочимъ проявлять силу духа и мощь свободнаго порыва подъ дулами солдатскихъ ружей.

Не пора ли намъ сбросить съ себя этотъ кошмаръ и освободиться наконецъ отъ нашихъ освободителей? Ни одной изъ пяти свободъ они не признаютъ, и меньше всего свободу личности. Та неприкосновенность личности, которую они такъ шумно требуютъ у правительства, нужна имъ только для того, чтобы ихъ не сажали въ тюрьму за насиліе. Но сами они ведутъ себя, какъ плантаторы. Они вывозятъ на тачкахъ и бросаютъ въ грязь людей, которые не хотятъ имъ подчиняться. Избиваютъ рабочихъ, если тѣ выходятъ изъ повиновенія и желаютъ стать на работу, когда имъ приказано бастовать. Иногда рабочіе отбиваются отъ нихъ ломами. Тутъ нашимъ освободителямъ можно бы напомнить совѣты изъ Домостроя: «А про всяку вину по уху не бити, ни подъ сердце кулакомъ». Имъ не мѣшало бы иногда послѣ Бебеля и Каутскаго почитать и его. У попа Сильвестра они тоже могли бы кое-чему поучиться.

Они стрѣляли въ почтовыхъ чиновниковъ не примкнувшихъ къ забастовкѣ. Громили ти-

пографіи, которыя печатаютъ враждебные имъ листки. Взрывали динамитомъ помѣщичьи дома, какъ это было въ Зубриловкѣ (свалить это на крестьянъ нельзя, у крестьянъ динамита нѣтъ. Въ Москвѣ передъ мятежомъ они закрыли всѣ газеты и замѣнили ихъ своею. «Честный гражданинъ бросилъ печать лакейскую,— оповѣщали они,— и жадно прильнулъ къ живой водѣ революціонной прессы». Но все-таки, что-бы честный гражданинъ не хлебнулъ по ошибкѣ мутной воды, они нашли нужнымъ запретить всѣ газеты. Ихъ правительство въ лицѣ совѣта рабочихъ депутатовъ грозило крушеніемъ почтовыхъ поѣздовъ, если они повезутъ почту во время забастовки. Ихъ союзы заявляли гласно, что не остановятся ни передъ какими насиліями для достиженія своей цѣли.

Они упивались своей властью, своимъ могуществомъ и съ самимъ дѣловымъ видомъ оповѣщали своихъ вѣрноподданныхъ, что И. К. С. Р. Д. принялъ предложеніе Ц. К. С. С. Длинныя какъ полярная ночь названія ихъ присутственныхъ мѣстъ не умѣщаются въ одной строкѣ и, приказавъ своимъ вѣрноподданнымъ выучить ихъ наизусть, они обозначаютъ ихъ начальными буквами. Именемъ свободы они запрещаютъ булочнымъ, мяснымъ и колоніальнымъ лавкамъ торговать безъ ихъ разрѣшенія и назначаютъ имъ два часа въ день, когда онѣ могутъ продавать свои товары пролетаріямъ; въ остальное время онѣ должны быть закрыты. Такъ они поступали въ Виль-

нѣ и въ Москвѣ, и въ разныхъ городахъ, гдѣ И. К. С. Р. Д. захватилъ верховную власть.

Они посылаютъ летучіе отряды истреблять мѣшающихъ имъ лицъ. Въ Ригѣ на окраинахъ стали ежедневно находить трупы убитыхъ одинаковымъ образомъ: 4 огнестрѣльныя раны въ грудь, 4—въ спину и разсѣченная голова. Это казни, совершаемы освободителями. На ихъ знамени написанно: свобода или смерть! Свобода—для нихъ, смерть—ихъ врагамъ.

Они додумались наконецъ до того, что стали клеймить людей, клеймить не на словахъ, а самымъ настоящимъ образомъ, прикладывая клеймо на живое тѣло. Это дѣлается по ихъ приговорамъ надъ ворами и хулиганами. Не говоря уже о томъ, что за хулигановъ они принимаютъ своихъ политическихъ противниковъ, но даже если допустить, что они клеймятъ только преступниковъ, то какъ посмотрѣть на это возвращеніе къ временамъ Бирона и Анны Іоановны? Вслѣдъ за этимъ надо ждать вырѣзыванія языковъ и вырыванія ноздрей.

И это называется освободительнымъ движеніемъ! И мы рабски преклоняемся передъ нимъ, не замѣчая, что оно накидываетъ намъ арканъ на шею. Мы все еще наивно вѣримъ, что оно несетъ намъ свободу.

Самымъ сильнымъ и могущественнымъ союзникомъ его является печать. Наша русская, т. е. еврейская печать, почти вся на его сторонѣ. Евреи ему сочувствуютъ, потому что надѣются, что оно дастъ имъ равноправіе. Чѣмъ

бы ни кончилась революція, они рѣшили, что будетъ одно изъ двухъ: или они получатъ равноправіе—или Россія будетъ вконецъ разорена и обезсилена. И въ томъ и въ другомъ случаѣ они будутъ удовлетворены.

Что газеты, которыя явно или тайно издаются на ихъ деньги, служатъ ихъ интересамъ—это понятно. Но что есть добровольцы, которые служатъ имъ безкорыстно, что въ дни свободъ они носили ихъ торжественно по улицамъ, заставляя русскую публику снимать передъ ними шапки, что разукрашенному красными лентами еврею или еврейкѣ съ красными флагами кланялись, какъ нашимъ освободителямъ—это надо приписать только нашему холопству, которое безъ барина никакъ обойтись не можетъ. И наши свободные граждане, кричавшіе «долой царя», сейчасъ же выносили на креслѣ еврея въ красныхъ лентахъ и всенародно кланялись ему. Они, какъ азіаты или какъ древніе египтяне своему фараону, готовы были сказать ему: «Къ стопамъ царя, государя моего, солнца моего, бога моего, семь разъ, семь разъ я подвергаюсь».

А что они писали въ еврейскихъ газетахъ! Они вели въ нихъ кампанію противъ русскихъ финансовъ, стараясь убѣдить Европу, чтобы она не давала намъ денегъ. «Деньги пропадутъ, народъ этого займа не признаетъ». Они хотѣли этимъ разорить правительство, но разоряли народъ. Они посылали привѣтъ Финляндіи, когда та отложилась отъ Россіи, и да-

вали понять Польшѣ, что пора и ей послѣдовать этому примѣру. «Измѣнникомъ русскому дѣлу признаемъ мы каждаго, кто подниметъ руку на польскій народъ!» говорили они. Не Польша будетъ измѣнницей, если вздумаетъ подъ шумокъ отложиться отъ Россіи, а будетъ измѣнницей Россія, если захочетъ помѣшать этому. Этотъ еврейско-польскій взглядъ на измѣну проводился очень дружно и съ большимъ апломбомъ. Наши молчали или поддакивали, потому что когда баринъ говоритъ—возражать нельзя. А баринъ сказалъ, что это освободительное движеніе, и кто станетъ противъ этого спорить, тотъ хулиганъ и черносотенецъ. Кто за Россію—тотъ черносотенецъ, кто противъ Россіи—тотъ принадлежитъ къ лучшей, благороднѣйшей части общества.

Всякому конечно хотѣлось принадлежать къ лучшей части общества, и наши земцы первые подали примѣръ: они на московскомъ съѣздѣ присягнули Польшѣ. Обѣщали ей даже провести новыя границы, размежеваться съ ней, какъ съ иностранной державой. Что они рѣшили ей отдать, какія наши губерніи—они пока не говорятъ, мы объ этомъ узнаемъ въ Государственной Думѣ.

Трескучія фразы въ союзахъ не уступали такой же крикливой шумихѣ въ газетахъ. «Прекраснъ и грозенъ ликъ надвигающейся русской революціи», писали наши освободители, а сами однимъ глазомъ косились на

войска. Отношеніе нашего освободительнаго движенія къ арміи очень интересно. Сначала надъ нею всячески глумились. Солдатъ называли баши-бузуками. О казакахъ и говорить нечего—о тѣхъ прямо писали, что имъ выдаютъ по рюмкѣ водки за каждаго убитаго младенца. Дошли до того, что стали обвинять офицеровъ въ грабежѣ лавокъ. Сейчасъ же нашлись достовѣрные лжесвидѣтели, которые сами видѣли, какъ они уносили подъ полой награбленное. Когда офицеры являлись въ редакцію требовать къ отвѣту клеветниковъ, то издатель удиралъ за границу или посылалъ къ губернатору просить военной охраны.

Потомъ вдругъ эта тактика перемѣнилась. Прошелъ слухъ, что въ войскахъ растетъ недовольство. Освободители поспѣшили этимъ воспользоваться. Началось заигрываніе съ арміей. Ее стали увѣрять, что она несправедливо обижена, что для ея благополучія нужна «всеобщая, равная, прямая», тайная, что солдатамъ надо ходить на митинги, не отдавать чести офицерамъ и носить штатское платье. Посыпались письма въ редакцію отъ разныхъ бомбардировъ и есауловъ, которыхъ въ спискахъ казачьихъ войскъ потомъ не нашли, отъ всевозможныхъ военныхъ частей и гарнизоновъ, причемъ нижніе чины писали языкомъ «Сына Отечества»: «мы, свободные граждане, поддерживающіе борющійся народъ» и требовали амнистіи всѣмъ потерпѣвшимъ за политическія убѣжденія.

Наконецъ въ разныхъ мѣстахъ вспыхнули матросскіе и солдатскіе бунты. Пролетарская печать ликовала. «Теперь армія безповоротно отпала отъ самодержавія,—объявила она.—Казарма становится очагомъ революціи». Митинги дѣйствительно пробрались въ казармы. «Товарищи» стали просвѣщать солдатъ. Въ Кіевѣ хотѣли послать саперовъ на телеграфъ, чтобы замѣстить забастовщиковъ. «Весь батальонъ какъ одинъ человѣкъ отказался отъ позорной роли», сообщила печать съ торжествомъ. Для рабочихъ требовали 8 часового дня, для солдатъ потребовали уже четырехчасового: «чтобы строевыя и другія занятія продолжались не больше 4 часовъ въ день».

Этотъ медовый мѣсяцъ революціи продолжался до самаго московскаго мятежа. Извѣстія отовсюду приходили для нея самыя радостныя. Духъ революціонеровъ поднимался. «Армія должна быть наша,—писали они.—Мы не позволимъ ее провоцировать, мы не позволимъ натравливать ее на рабочій народъ.

Однако солдатскіе бунты такъ же скоро затихали, какъ и вспыхивали. Проведя съ товарищами денекъ-другой-третій, нижные чины арміи и флота начинали относиться къ нимъ подозрительно и выражали желаніе, чтобы вольные убирались изъ казармы. Какъ вольные ни старались, такъ хорошо начатое дѣло дальше что-то не клеилось. Эта трещина въ дружбѣ товарищей проявилась въ солдатскихъ требованіяхъ. Товарищи писали въ нихъ: «учре-

дительное собраніе, амнистію пострадавшимъ за политическія убѣжденія, а солдаты требовали двѣ пары шароваръ, теплыя портянки, на улучшеніе пищи по 15 коп. да вмѣсто сапогъ 13 руб. деньгами. Выходила какая-то кутерьма. Въ одномъ пунктѣ требовали свободнаго посѣщенія митинговъ, въ другомъ возвращенія всѣхъ товарищей, отправленныхъ на усмиреніе братьевъ-крестьянъ,—и тутъ же рядомъ: табуретки къ кроватямъ, подушка изъ перьевъ, 3 фунта сахару... У солдата были свои опредѣленныя желанія, и теплыя портянки да сапоги интересовали его гораздо больше, чѣмъ какіе-то пострадавшіе борцы. А если еще эти борцы были похожи на товарищей, которыхъ онъ за нѣсколько дней успѣлъ наслушаться, то вмѣсто дружбы къ нимъ у него являлось озлобленіе. На московскихъ барикадахъ товарищи узнали, чѣмъ эта дружба можетъ для нихъ кончиться.

Еще въ Севастополѣ въ душу ихъ закрались сомнѣнія. Солдаты якобы присоединившагося къ нимъ Брестскаго полка прятались отъ нихъ по казармамъ, а нѣкоторые даже «вели хулиганскую агитацію». Хулиганской агитаціей называлась вѣрность долгу и присягѣ и угрозы солдатъ выпроводить товарищей изъ казармъ. Отъ присяги солдатъ освободили на митингахъ, предложивъ имъ новую присягу, безъ поповъ. Не помню ужъ, въ какомъ именно городѣ, Саратовѣ или въ Пятигорскѣ, когда солдатамъ надоѣлъ горохъ и

постная пища, выборный полковникъ изъ унтеръ-офицеровъ приводилъ ихъ къ присягѣ по новому образцу: «всѣ за одного и одинъ за всѣхъ». Съ Брестскимъ полкомъ это не удалось: солдаты ночью удрали отъ своихъ освободителей.

Не многимъ лучше были дѣла товарищей и у матросовъ. И тутъ они съ грустью замѣтили, что эти друзья ихъ ненадежны. «Все время приходилось имѣть дѣло съ провокаторскими выходками противъ жидовъ, женщинъ вольныхъ, красныхъ знаменъ и т. п.». Невольное сидѣніе вмѣстѣ въ казармахъ, осажденныхъ правительственными войсками, не особенно воодушевило матросовъ присутствіемъ товарищей, и казармы были взяты почти безъ кровопролитія. Товарищи кричали о вооруженномъ сопротивленіи только на митингахъ, но въ бою они были что-то очень скромны. При этомъ они совсѣмъ не знали русскаго солдата, какъ не знаютъ и русскаго народа. Они выкинули красный флагъ на «Пантелеймонѣ» и только потомъ спохватились, какую сдѣлали при этомъ оплошность. Матросы оскорбились за Андреевскій флагъ, который оказался ниже соціалъ-демократическаго знамени. Пришлось красный лоскутокъ убрать, и разочарованные товарищи увезли его обратно въ экипажъ.

Хотя они и увѣряли на крестьянскомъ съѣздѣ въ Москвѣ, что разгадали тайну русскаго народа, его душу, его смысль, но это было

жестокое заблужденіе. Народъ вовсе не такъ простъ, какъ они думаютъ. У него за плечами цѣлая тысячелѣтняя исторіи, и тайну его души надо искать въ пропломъ. Ее скорѣе можно найти въ древнихъ былинахъ, чѣмъ въ зданіяхъ „Набата“ и „Буревѣстника“. У народа есть свой этикетъ, о которомъ еще въ былинахъ говорилось: „Онъ и крестъ кладетъ да по писанному, онъ поклонъ ведетъ да по ученому“.

Вотъ этого наши освободители не знаютъ и за это послѣ минутнаго успѣха всегда расплачиваются потомъ пораженіями.

Потерявъ надежду на армію, освободительное движеніе заговорило опять прежнимъ языкомъ. Опять солдаты стали башибузуками, газеты писали съ ироніей о бравыхъ воинахъ, избивающихъ мирныхъ гражданъ, а правительству объявили, что его дѣло безнадежно проиграно, у него нѣтъ больше союзниковъ. „Осталась армія. Но одной арміи мало... На штыкахъ сидѣть нельзя“. До московскихъ босвъ революція этого не говорила Она находила, что если нельзя сидѣть на штыкахъ, то опираться на нихъ можно, и вообще возлагала на нихъ большія упованія. Она хотѣла на штыкѣ поднести Россіи свободу. Но когда это не удалось, она стала возмущаться. какъ можно вообще пользоваться штыками. „Да остановитесь же, вѣдь вы разстрѣливаете сердце Россіи!“ взывала она къ правительству. Она уже не говорила: „Армія должна

быть наша, мы не позводимъ ее провоцировать", а говорила: „Остановитесь! Прекратимъ самоистребленіе, выкинемъ бѣлый флагъ и попробуемъ столковаться, чего хотите вы и что мы можемъ дать". Такъ, по ея мнѣнію, долженъ былъ говорить адмиралъ Дубасовъ на барикадахъ съ революціонерами, когда имъ не удалось его арестовать и предать смертной казни. Ему слѣдовало пригласить ихъ къ себѣ и за чашкой чаю потолковать съ ними о томъ, чего собственно они хотятъ. Можетъ быть они хотятъ только, чтобы онъ уступилъ имъ свое мѣсто, но вѣдь князь Оболенскій въ Финляндіи именно такъ и сдѣлалъ—онъ сейчасъ же далъ себя арестовать, приставить къ дверямъ его почетный караулъ, а потомъ, когда онъ далъ подписку, что за себя и за Россію отказывается отъ всякихъ правъ на Финляндію, его выпустили, и онъ уѣхалъ домой. Почему же не поступилъ такъ адмиралъ Дубасовъ? Тогда не было бы разгрома Москвы, фабрика Шмидта была бы цѣла, а стачечные комитеты мирно управляли бы городомъ.

„Остановитесь! Ни шагу дальше! Не идите даже въ мысляхъ за этой политикой испуга!" приказываетъ революція. Политикой испуга она называетъ вызовъ Семеновскаго полка и усмиреніе мятежа военной силой. А писатель Чириковъ сказалъ, что никакого возстанія въ Москвѣ не было, а была лишь вооруженная самозащита. „Мѣстная администрація, провоцируя событія, искусственно вызвала самоза-

щиту населенія". Очевидно адмиралъ Дубасовъ самъ потихоньку ночью строилъ баррикады, а потомъ приказалъ: „Катай" и разстрѣливалъ Москву изъ пушекъ.

Но если не было возстанія, то нельзя и карать за него. Именно это и говоритъ теперь прогресивная печать. Она предупреждаетъ, что правительство умоетъ руки въ погромѣ Москвы, сваливъ всю вину на революціонеровъ, и будетъ судить ихъ какъ мятежниковъ. «Этого нельзя допустить, — говоритъ она. — Имъ должна быть возвращена свобода».

Почему для себя освободители требуютъ полной свободы и приглашали въ газетахъ шельмовать разныхъ изверговъ и злодѣевъ губернаторовъ, предлагая пролетаріату запомнить ихъ имена или грозя кровавой расправой черносотенцамъ, которыхъ надо безпощадно истреблять, а когда черносотенцы, т. е. политическіе противники выпускаютъ свои воззванія, то освободители сейчасъ же «обращаютъ на это вниманіе кого слѣдуетъ»? Ихъ газеты кричатъ тогда караулъ, доносятъ на чудовищную провокацію, требуютъ, чтобы провокаторы были немедленно обнаружены и наказаны. Послѣ воззванія «Московск. Вѣдомостей» къ православному народу они обратились къ прокурору и требовали уголовнаго преслѣдованія за возбужденіе одного класса населенія противъ другого.

Бунтовать крестьянъ противъ помѣщиковъ, рабочихъ противъ фабрикантовъ, школьниковъ

противъ учителей—это называется освободительнымъ движеніемъ; но бунтовать противъ бунтовщиковъ—это провокація.

И этотъ кошмаръ цѣлый годъ душитъ насъ, до сихъ поръ мы еще не можемъ стряхнуть его. Прикрываясь именемъ свободы, насильники вошли къ намъ и стали властно распоряжаться. Они все обругали, все оплевали и приказали намъ называть ихъ освободителями. Захвативъ въ свои руки печать, они сдѣлали изъ нея богиню, лжи и клеветы.

Они клеветали на всѣхъ, кто не записался въ ихъ союзы, чтобы участвовать въ дѣлежѣ Россіи, и не признавалъ ихъ верховной власти, клеветали съ упоеніемъ, съ отвагой людей, которымъ нечего терять. Они стали распродавать съ молотка Россію, увѣряя, что народъ жаждетъ спустить ее по дешевой цѣнѣ инородцамъ, готовъ даже отдать ее даромъ, чтобы видѣть въ хорошихъ рукахъ. Они приказали нашей молодежи не заниматься больше науками, а служить освободительному движенію, т.-е. скорѣйшей распродажѣ Русской Имперіи, увѣривъ ее, что это священнѣйшій долгъ русскаго студента. Кто съ этимъ не соглашается, того они клеймили именемъ «истинно русскаго человѣка», что у нихъ считается самымъ страшнымъ браннымъ словомъ, какъ у якутовъ слова: «Ты сатана изъ-подъ самаго дна Ледовитаго моря». Быть истинно польскимъ, или еврейскимъ, или финскимъ патріотомъ—это почетно, объ этомъ говорятъ

съ гордостью: быть русскимъ патріотомъ— это позоръ.

Мы сами такъ сконфужены, что родились русскими, такъ извиняемся въ этомъ передъ инородцами, обѣщая отъ этого исправиться, что они смотрятъ на насъ, какъ на низшую расу, какъ на рабовъ, которыхъ они пришли освободить. И надо сказать правду, мы это заслужили. Мы отдали на поруганіе всѣхъ, кто служилъ Россіи, начиная съ Бобрикова въ Финляндіи, и кончая послѣднимъ рядовымъ, который защищаетъ насъ отъ насильниковъ. Въ печати ихъ публично шельмуютъ, а мы спѣшимъ еще ругнуть ихъ отъ себя, чтобы показать, какіе мы передовые люди. Если мы сами не уважаемъ себя, такъ нечего ждать, что насъ будутъ уважать другіе.

Но отрезвленіе уже наступаетъ. Уже пробуждается сознаніе, что униженіемъ Россіи, ея національнаго чувства служатъ не освобожденію, а только новому порабощенію ея. И не съ бомбами, не съ красной хоругвью насилія можно спасти ее. Не съ этой хоругвью, символомъ раздора и междоусобія, начнетъ она свою новую жизнь, поведетъ свой народъ къ свѣту, свободѣ и культурѣ. Она устала отъ разрушенія и жаждетъ мира, чтобы вернуться къ трудовой жизни.

С. Смирнова.

БИБЛІОТЕКА ИМЭЛ при Ц.К.В.К.П.(б)